

Заблудившийся отряд

Известно, что после отказа Наполеона от попытки вернуться в Смоленск по новым дорогам и его возвращения на Смоленский тракт на несостоявшейся коммуникационной линии осталась стоять в одиночестве импровизированная дивизия Барагэ д'Илье, вскоре оказавшаяся лицом к лицу с Главной русской армией. Первым итогом этой ситуации стала капитуляция бригады Ожеро перед русскими партизанами. Вследствие поспешного отступления остатков дивизии Барагэ к Смоленску и быстрого продвижения русских летучих отрядов французы вскоре лишились множества собранных в этой губернии запасов, в том числе двух больших магазинов в с. Клементьево и с.Княжом. Исследователи не уделили почти никакого внимания указанным событиям, так что рядовой читатель может узнать о них лишь из кратких записей в «Журнале военных действий».

Опубликованные только что во Франции воспоминания Родольфа Вьейо обратили наше внимание на одно из упомянутых событий. Р. Вьейо родился в Руане (Нормандия) в 1786 г., участвовал в кампании 1809 г. и в начале 1812 г. стал лейтенантом 5-го батальона 24-го полка легкой пехоты. Его часть вошла в состав 3-й маршевой полубригады майора Ж. М. Абержу в 1-й резервной дивизии Великой армии. Входившие в состав этой дивизии войска по прибытии на театр военных действий предполагалось распределить по различным корпусам, однако их ожидала иная судьба. Согласно приказу Наполеона от 17 октября три полубригады из этой дивизии (1-я, 2-я и 4-я) должны были войти в состав дивизии Барагэ д'Илье наряду с другими войсками. В корреспонденции маршала К. Виктора (именно с его корпусом эта дивизия прибыла в Смоленск) имеется документ, согласно которому рота Вьейо с 29 сентября должна была входить в состав 4-й полубригады, однако похоже, что вскоре все вернулось на круги своя, ибо Вьейо не находился в дивизии Барагэ, по крайней мере во время ее отступления к Смоленску. К сожалению, воспоминания самого Вьейо не позволяют решить эту загадку. Во введении он явно ошибочно именуется свою дивизию, силою в 6000 чел., остатком сорокатысячного 3-го корпуса маршала М. Нея, видимо, на том основании, что первые четыре батальона его полка входили в состав этого корпуса. Комментаторы воспоминаний Вьейо правильно отметили *эту* ошибку; они считают, что мемуарист служил в дивизии Барагэ д'Илье, но документально это не доказано. Требуется дальнейшие разыскания во французских архивах¹.

Основное повествование Вьейо начинается с того момента, когда в начале ноября его отряд (он именуется его дивизией) располагался где-то в российской глубинке, видимо, в районе Ельни. Однажды (точных дат мемуарист не указывает, кроме дня своего пленения) их генерал заявил своим подчиненным, что они обнаружены русскими и потому немедленно должны тронуться в путь. Русский помещик дал французам проводников, чтобы провести их в Смоленск. «Мы имели, — пишет Вьейо, — в нашей дивизии *три роты польской пехоты*, офицеры и несколько унтер-офицеров которой весьма хорошо говорили по-русски», поэтому было легко общаться с местным населением. Вечером первого дня отступления шеститысячная дивизия расположилась биваками в одном великолепном и громадном поместье, где войскам были выданы продукты: хлеб, мясо, пиво, водка, рыба; во дворах развели костры, все входы забаррикадировали и выставили посты. От помещика Вьейо узнал, что казаки уже наведывались сюда и знали о приближении французов, что главная квартира князя Кутузова находится в нескольких верстах от Смоленска, от которого они сами удалены на 80-100 верст.

Весь следующий день французы шли по бесконечному лесу, а ночью от них сбежали проводники. Далее они шли, ориентируясь по солнцу, на запад и северо-запад. «Неожиданно мы вышли, — пишет Вьейо, — на необъятную равнину, до горизонта покрытую снегом. Мы прошли через несколько деревень; удивленные мужики выбегали из своих изб со всем своим семейством, чтобы посмотреть на нас. Они не знали, победители мы или побежденные, и вели себя обходительно с нашими маркитантами и солдатами. Мужики не смогли сказать, далеко ли до Смоленска». Некий учитель-немец сказал французам, что город находится *справа от них в 24-х верстах*.

В следующий раз французы заночевали в большой и красивой деревне в 18 верстах от Смоленска. Как и повсюду, удивленные мужики выбежали из своих жилищ поглазеть на них. После разговора с польским офицером староста дал им утром трех проводников. Они двинулись в путь, распевая Марсельезу, в полной уверенности, что к концу дня соединятся с французской армией. Пройдя более двух часов, французы неожиданно обнаружили вдалеке большую русскую колонну, пересекавшую дорогу, по которой они шли. Они допросили проводников, которые были так взволнованы, что едва могли отвечать. После множества вопросов, сопровождаемых угрозами, они признались, что видели эту русскую дивизию (пехоту и артиллерию), но собирались провести французов так, чтобы не встретиться с ней; очевидно, она переменяла позицию и теперь движется на Смоленск. Скорее всего, французы видели летучий отряд Ожаровского (два Полтавских, два Донских казачьих полка, Мариупольский гусарский, 19-й егерский полки, 6 орудий конной артиллерии),

который получил приказ следовать в дер. Гостомлю, чтобы посылать оттуда сильные партии в сторону Смоленска и установить связи с отрядами Давыдова и генерала Шепелева. 28 октября/9 ноября этот отряд прошел через Балпутино и Стригино до Бербедаки на Рославльской дороге, где и заночевалⁱⁱ.

Оставаясь незамеченными за пригорком, французы послали на разведку двух польских офицеров, переодетых в крестьянские тулупы и шапки. Поначалу хотели атаковать русских, но начальство решило, что имеет дело с численно превосходящим противником, а французские войска обесилены маршем и ощущают недостаток в боеприпасах. К тому же проводники обещали привести их в большую деревню в 12-15 верстах отсюда, где есть хорошая дорога прямо на Смоленск; они уверяли, что русских там нет. Итак, колонна двинулась контрмаршем, следуя за проводниками, которые вскоре повернули *налево* (т. е. на юго-запад — *А.П.*). Шли более 4-х часов и до деревни добрались глубокой ночью. По приказу польских офицеров, рассказывает Вьейо, «наши проводники потребовали от старосты (*le starik*) разместить на ночь нашу дивизию, которая с победой возвращается из Москвы, прикрываемая справа и слева двумя другими дивизиями. Это была военная хитрость, чтобы обмануть крестьян. Деревня была одной из самых больших, встречавшихся на нашем пути; здесь было два господских дома (*deux chateaux*). Было решено, что мы остановимся здесь на 2-3 дня, чтобы восстановить свои истощенные силы. Квартиры были распределены среди офицеров, дивизия расположилась частью на квартирах, частью на биваках. В селении имелись магазины, наполненные водкой, табаком, сушеными овощами».

На следующий день Вьейо был послан на рекогносцировку, в одном из имений он встретил человека, хорошо говорившего по-французски. «Мы были весьма удивлены, — пишет Вьейо, — когда он сообщил нам, что утром в этом имении побывало около 20 казаков, отряженных от одного полка, находящегося в 4-х верстах отсюда. "Они знают о вашем пребывании в *Хмаре* (*Zmora*), наблюдают за всеми вашими движениями из окружающего вас леса так, что вы их не замечаете. *Отсюда до Смоленска примерно 40 верст*, но добраться туда вам будет невозможно, так как при первом движении они атакуют вас со всех сторон и заставят сложить оружие"». Вьейо сообщил эти новости своему генералу (под которым следует понимать майора Абержу, именуемого им также полковником). В данном случае речь идет, вероятно, об отряде штабс-ротмистра лейб-гвардии гусарского полка Нащокина, который доносил в главную квартиру, что он был «отряжен 28 октября от генерал-адъютанта графа Ожаровского из Строганова к с. *Хмаре*, где мы узнали, что неприятель находится в числе *900 человек*». Село *Хмара* (*Хмора*) Ельнинского уезда Смоленской губернии находилось на почтовой дороге из Рославля в Смоленск, в 66 верстах от последнего; на французской карте оно обозначено как *Khmara*ⁱⁱⁱ.

Ночью французы были потревожены двумя ружейными выстрелами: один был выпущен с передового поста, другой — от одного из входов в деревню. В один момент все были на ногах и простояли под ружьем до рассвета. Когда утром стали сменять один пост, расположенный в одной версте от деревни и меньше версты от опушки леса, то нашли его целиком вырезанным. 25 солдат и 1 офицер были захвачены врасплох и изрешечены ударами сабель и пик; офицеру нанесли 32 раны. Днем «один мужик, пришедший из другой деревни... рассказал, что мы окружены русскими войсками, главным образом казаками в большом числе, что они ожидают, когда мы двинемся в путь, чтобы атаковать нас на равнине». Собравшиеся офицеры приняли решение покинуть селение под прикрытием ночи. Посты были удвоены. Поздно вечером неожиданно раздалась ружейная стрельба и ужасное «ура!». Вьейо выбежал на двор и увидел, что он весь был наполнен казаками, бившимися с французскими егерями, которые стойко выдержали первый удар; со всех сторон к ним спешили на помощь. По мнению Вьейо, казаки, полагавшие, что «застигнут нас врасплох и безоружными, были удивлены таким сопротивлением и, опасаясь, что путь к отступлению им будет отрезан, повернули назад к воротам». Поскольку они бросились туда все разом, то не могли быстро выехать, а «мы бросились их преследовать и убили большое число. Когда вход был свободен, мы выстроились в боевом порядке на равнине. Они удалились во всю прыть».

Вдали французы увидели большую колонну, которая поджидала их. Они не стали преследовать казаков, а приняли все меры для отражения возможной атаки. Русская колонна развернулась, чтобы окружить французов со всех сторон. «Теперь не оставалось сомнений в замысле русских: произвести общую атаку, чтобы заставить нас покинуть деревню, вывести нас на равнину и задавить числом». Русские атаквали в нескольких местах, французы отстреливались через интервалы палисада, как через амбразуры. Несмотря на значительные потери, русские нападали *в течение четырех часов* и не давали покоя французам в течение всего дня. Нащокин доносил, что 29 октября/10 ноября «на рассвете атаковал его (неприятеля. — *А.П.*) ротою егерей и малым числом кавалерии. *Бой продолжался 4 часа*, но, видя неравенство сил, отступил одну версту, окружив селение цепью казаков»^{iv}.

Незадолго до наступления ночи в село возвратился один мужик, который видел русские войска, блокировавшие французов. Он уверял, что на следующий день они ожидают артиллерию, чтобы заставить французов выйти из деревни и сломить их упорное сопротивление без риска понести большие потери. Обсуждать больше было нечего, необходимо было отступить под прикрытием ночи. «Наконец, — пишет Вьейо, — мы тронулись в путь; мы оставили эту позицию в темноте и в полнейшем безмолвии... Все мужики остались в

своих избах, мы разожгли, как обычно, большие бивачные костры, чтобы введенный в заблуждение неприятель по их расположению подумал, что мы проводим ночь в деревне». Французы спешили пересечь поле, чтобы укрыться в лесу; огни русских биваков указывали им, где неприятель сосредоточил свои силы. Их заметил один русский ведет, который крикнул: «Кто идет?» — и, не получив ответа, разрядил в них оба своих пистолета и ускакал. Запись в «Журнале боевых действий» гласит: «Неприятель в 12 часов ночи построил каре и, пробив цепь, отступал к селению Михайловке. Штабс-ротмистр Нащокин немедленно пустился вслед за ним и, нагнавши, взял в плен 2-х офицеров и 102 человека рядовых». На следующий день отряд Нащокина продолжал преследовать неприятеля вплоть до Михайловки. Остается лишь гадать, что это был за неприятель; во всяком случае — не колонна Абержу, которая двинулась в другом направлении, на Смоленск, да и Вьейо ничего не говорит о преследовании казаков.

Между тем отряд Абержу ускорил свое движение, чтобы побыстрее достичь леса. Когда вся колонна вошла в лес, проводникам было приказано немедленно вести ее окольными путями, чтобы добраться до Смоленска, куда надеялись прибыть на рассвете. Французы все дальше углублялись в этот густой лес; все дороги были извилисты, как в лабиринте. Внезапно колонна остановилась. Допросили проводников, которые откровенно признались, что они заблудились в бесконечных изгибах дорог в незнакомом лесу, и что вернулись туда, откуда пришли, к Хмаре (Zmora). В деревне, несомненно, уже были казаки. После 4-х часов форсированного марша французы оказались перед лицом той же опасности, от которой они убегали! Проводников чуть было не расстреляли. Французы снова тронулись в путь и через некоторое время вышли из леса на большую равнину. На краю ее обнаружили деревню, возле которой затем разглядели русские войска. «Так как мы по-прежнему двигались вперед, — пишет Вьейо, — неприятель, удивленный нашей дерзостью или полагая нас в большем числе, потянулся к деревне, не открывая огня по нашему авангарду. Дорога, которой мы держались, проходила через нее. Мы вступили туда почти в то же самое время, что и они. Мы продолжали наш путь, а они смотрели, как мы проходим, с таким спокойствием, будто бы мы были самыми лучшими друзьями. Тогда один француз, вырвавшись из их рядов, бросился в наши. Это был унтер-офицер императорской гвардии. Он сообщил нам, что пятьсот пленных скучены в огромной риге и русские, чтобы избавиться от них при выступлении, собрались предать ее огню». Вьейо со своей ротой бросился к этому строению, которое уже было подожжено, разогнал русских, освободил пленных и вернулся к своей колонне, пройдя мимо русских, изумленных дерзостью французов^v.

«На другой день, — продолжает Вьейо, — мы обнаружили маленькую деревню на возвышенности. В низине, справа от нас, находились лошади и парк русской артиллерии. Множество мужиков и солдат выбегали из жилищ, чтобы посмотреть, как мы проходим. Мы были уже далеко, когда услышали несколько ружейных выстрелов, выпущенных по саям, находившимся сзади. Позже мы узнали, что русские захватили одну из наших маркизантинок... В десять часов утра мы обнаружили большую деревню на краю широкой равнины. Она была окружена войсками, которые мы приняли сначала за французские. Но с помощью подзорной трубы мы были вскоре выведены из заблуждения, это оказались русские. Вечером мы узнали, что *это была квартира князя Кутузова*. В других местах Вьейо называет точную дату этого происшествия — 12 ноября. Русская главная квартира с 30 октября/1 1 ноября находилась в Лабково в 25 верстах от Хмары. Семеновский офицер П. С. Пущин записал в дневнике за 30 октября: «Главный штаб остановился в Лабково, расположенном на главном тракте Рославль-Смоленск. Наш корпус разместился по квартирам в 2 верстах от с. Грудино». Прапорщик Финляндского полка Дмитрий Нилович Козин запомнил название села, где расположился его полк, но запомнил «очень хорошо, что из гвардейских полков наш был ближе всех к главной квартире. По приходе нам была объявлена дневка».

Столкнувшись с серьезным препятствием на своем пути к Смоленску, командир французов созвал офицеров на совет. Несмотря на необходимость раздобыть продовольствие, «посчитали благоразумным не идти просить завтрака у русских», избежать столкновения с ними, свернув в лес, видневшийся вдалеке. Между тем в русском лагере была объявлена тревога. «Вдруг утром на рассвете, 31 октября, — вспоминал Казин, — мы по звуку барабанов, бивших без умолку тревогу, поднялись все разом и, не зная причины, в несколько минут были на улице». Там полковник М. К. Крьюжановский разговаривал «с капитаном Фигнером, привезшим известие о появлении неприятельской колонны в двух верстах от главной квартиры и приказание фельдмаршала нашему полку: "Идти к той колонне на встречу, отеснить и, буде сил хватит, порешить участь ее по тогдашнему обыкновению". Исполняя повеление светлейшего полк наш в несколько минут готов был к выступлению». Однако даже Фигнер не знал, в каком направлении двигаться, ибо «после получения в главной квартире известия о появлении неприятеля, до сбора нашего полка, прошло более 4-х часов времени, в которое неприятель легко мог переменить свою дирекцию». Сам Крьюжановский, правда, пишет, что приказ он получил от П. П. Коновницына и в 9 часов утра «выступил с полком из квартир, за неприятелем, пробиравшимся лесами от деревни Радушиной в направлении к г. Смоленску или Красному. В повелении вашего Превосходительства сказано мне следовать *через село Бонды к Радушкову*»^{vi}.

Двигаясь в указанном направлении, финляндцы встретили капитана лейб-гвардии Егерского полка Пенского,

который доложил Крѣжановскому, «что за две с половиной версты от наших квартир неприятелем взяты два фурмана и две тройки лошадей на водопое принадлежащих полку, и что неприятель проходил тут двумя колоннами». Посланный вперед адъютант на том месте неприятеля не застал, но встретил фуражиров 2-й кирасирской дивизии и Иркутского драгунского полка — 5 офицеров и 17 нижних чинов, «имевших уже дело с неприятелем и взявших в плен 8 человек». Они рассказали Крѣжановскому, что «неприятель в двух колоннах, по словам пленных, *слишком в 800 человеках* состоящих потянулся *вправо*», т. е. на запад.

Когда французы увидели, что русские войска пришли в движение, они, пишет Вьейо, «посчитали разумным от них уклониться и резко бросились *влево*, чтобы достичь леса, который один мог дать нам убежище. Почти все, кто имел сани, были вынуждены бросить их, чтобы быстрее добраться до этого леса, так как русские стрелки уже приближались к нам и их пули достигали середины колонн».

Получив более точные сведения о противнике, Крѣжановский «послал 3-й батальон под командою штабс-капитана Байкова *вправо*, дабы отрезать ему дорогу, ведущую к Смоленску и в Клемятино, а сам с двумя батальонами пошел *по следам неприятеля*». Поскольку здесь были лесистые места, полковник приказал кавалеристам следовать за ним, а затем послал их вперед, чтобы открыть неприятеля. Кроме того, по словам Казина, полковник приказал вызвать охотников, в числе коих были полковой казначей Купреянов, поручик Энгельгардт и 8 егерей; «всех их посадили на крестьянских лошадей и присоединили к ним еще возвратившихся с фуражировки кирасирского поручика с 8-ю человеками нижних чинов и 4-мя казаками. Кавалерия эта, двинувшись вперед, настигла французов и завела с ними перестрелку, понудившую их образовать арьергард и выслать цепь застрельщиков. При всей незначительности нашего авангарда, он все-таки замедлил отступление неприятеля». Впрочем, сам полк долго не мог войти в соприкосновение с неприятелем. «Пройдя скорым шагом *более 8-ми верст* и не видя французов, — рассказывает Казин, — мы очень хорошо поняли, что колонна эта не была из состава великой армии... и что она, не терпя нужды, бодро уплеталась от погони, не оставляя ни одного отсталого».

«Приостановив таким образом отступление неприятеля, — продолжает Казин, — наш полк начал собираться, ибо, говоря правду, в деле этом голова хвоста не дожидалась, потому более, что дорога, по которой мы преследовали французов, была в полном смысле проселочная, покрывая на пол-аршина снегом, который хотя и был усердно утаптываем бежавшими французами, но за всем тем, по узости ее, мы растянулись до бесконечности. Когда полк был собран, то неприятель, занимая по обеим сторонам дороги лес, отступал уже не так скоро. Пользуясь этою медлительностью, кавалеристы наши, с проводниками, обогнав окольными путями неприятеля, узнали, что находившийся впереди *лес скоро кончится* и что за ним дорога идет полем, к селу *Княжое*, чрез находившийся при селении мост, о чем немедленно и донесли полковому командиру». Эти кавалеристы, по словам Крѣжановского, обнаружили неприятеля «в лесу и несколько раз объезжали кругом, стреляли по нем весьма много, и тем делали большую остановку ему в ретираде»^{vii}.

Вьейо рассказывает, что «этот *лес оказался не таким глубоким*, как мы полагали. Вскоре мы оказались на другой равнине. Русские имели время обогнать нас, обогнув лес с одной стороны. Другие неприятельские войска двинулись на треск ружейной стрельбы, которая началась в тот момент, и подходили со всех сторон, так что мы оказались окруженными. Мы привели в порядок наше построение, чтобы выдержать атаку, и продолжали свой путь, не зная в точности, ведет ли он в Смоленск, поскольку мы были вынуждены его переменить. Мне было поручено в течение *трех* губительных *часов* прикрывать отступление». Отступая пошелонно (*par echelon*), Вьейо потерял за это время до двухсот человек. Колонна, которую он прикрывал, отступала очень быстро, не тревожась судьбой арьергарда. Он нагнал колонну возле красивого поместья, где засели русские, стрелявшие по французам из окон. Добрых *два часа* длился упорный бой с ними и с теми русскими отрядами, которые подходили со всех сторон. В конце концов французы пробившись и двинулись дальше, весьма удивленные, что русские прекратили их преследовать. Спустившись по длинному и крутому склону, они обнаружили *маленькую незамерзшую речку и мост*, охраняемый вооруженными крестьянами, которые разбежались при их приближении. Вся колонна не могла достаточно быстро перейти по маленькому деревянному мосту, и поэтому большая ее часть преодолела речку вброд. Оставив позади ручей, французы прошли еще около четырех с лишним километров, не встречая русских.

«Пройдя несколько верст, — доносит Крѣжановский, — услышал пистолетные выстрелы влево, совсем на противоположной стороне неприятельских следов, приказал полковнику Штевену со вторым батальоном его преследовать по тому же направлению, а сам пошел влево с одним батальоном по направлению к выстрелам, дабы отрезать неприятеля и остановить, но выйдя из леса, увидел неприятеля почти в версте впереди себя, который тот час выслав стрелков, под прикрываем их ретировался весьма поспешно, чрез *овраг не доходя деревни Горбачева* — почему высланы были стрелки под командою поручика Кожина, которым неприятельские стрелки были отрезаны и совершенно истреблены!» По словам Казина, солдаты храброго «поручика 1-й гренадерской роты Петра Николаевича Кожина бросились на французов с такою быстротою и мужеством, что стрелки их мгновенно были отброшены к колонне, которая, выслав подкрепление, завязала сильную

перестрелку».

«Неприятель, дойдя до деревни Горбачевой, — пишет Крыжановский, — другой раз выслал стрелков, под прикрытием коих проходил деревню и повернул *влево к селу Княжое*. Стрелки неприятельские другой раз поручиком Кожиным были отрезаны от их колонны, и истреблены частью им, а частью штабс-капитаном Вельяминовым, посланным очистить деревню с его ротой, — неприятель ретировался весьма поспешно, так что я принужден был приказать всем людям скинуть ранцы и преследовать его бегом». «В этом селении, — добавляет Казин, — узнали мы от крестьян, вышедших встретить нас с большою радостью, что *французы прошли их деревню за час времени до вступления нашего*, — что *их большие тысячи человек*, и что они идут по дороге к селу Княжое, где протекает река, на которой устроен мост. Сведения это еще более убедило полкового командира усилить преследование, опасаясь, чтобы неприятель не успел переправиться чрез реку, сломать мост и тем самым затруднить нам переправу, выиграть время и, пользуясь сумерками, скрыться от преследования».

«Узнав от тамошних жителей, — пишет полковник, — что в селе Княжем есть река и мост, стараясь занять оной, дабы неприятелю не дать переправиться, в чем господин капитан Ушаков с 1-м батальоном успел весьма удачно; неприятель, узнав, что тут мост, сильно форсировал, чтобы пробиться, но в том не успел, был отражен несколько раз и принужден отретироваться *неподалеку села в рощу*, которую по приказанию моему окружили, стрелки и семнадцать человек кирасиров». Рассказ Казина об этом маневре более подробен. «По получении сказанного донесения, — пишет он, — полковник Крыжановский решился во что бы то ни стало пересечь отступление французов к мосту и, оттеснив в *березовую рощу правее села Княжое*, первым батальоном атаковать с фронта, второму зайти в тыл, а третьему следовать по кустам и поддерживать сообщение между первым и вторым батальонами. Общее нападение должно было совершиться тогда, когда второй батальон, зайдя в тыл, даст о том знать полковому командиру». По приказу полковника стрелки 1-го батальона, усиленные еще одним взводом, под командой капитана Кожина двинулись «по пятам французов, и, выгнав их в поле, Кожин быстро собрал стрелков в колонну, повернул ее налево и повел беглым шагом вперед. Пробежав таким образом более полуверсты, он стал на одной высоте с головою колонны неприятеля, отступавшего к мосту. Действия его... были отлично поддержаны капитаном Вельяминовым, под командою которого образовалась вторая цепь застрельщиков. Этим движением Кожин получил возможность действовать смелее... с горстью бывших у него стрелков он стал твердою ногою у моста и действуя то беглым огнем, то штыками, отбил французов от моста и оттеснил их в *березовую рощу*, где они оставлены были на некоторое время без преследования». По приказу капитана Ушакова мост, находившийся в тылу стрелков 1-го батальона, был сожжен, и путь отступления противнику был, таким образом, прегражден^{viii}.

Вейо рассказывает, что, на некоторое время оторвавшись от преследователей, они вдруг обнаружили, что со всех сторон окружены русскими. «Мы заняли позицию в *березовом лесу*, покрывавшем холм, на который мы быстро взобрались, чтобы удобнее было обороняться. Забравшись на вершину, мы дали им сильный отпор». С другой стороны склона внизу находилась маленькая речка, незамерзшая вследствие своего укрытого расположения. Со всех других сторон французы были окружены русскими, неподвижно стоявшими в отдалении в боевом порядке. «Уныние стало всеобщим, нам не доставало боеприпасов, мы все реже отвечали на огонь, который вели русские. Каждый раз, когда противник выдвигался вперед, чтобы добраться до нас, мы отражали его штыками. Много раз, чтобы дать патроны своей роте, я должен был между двух огней срывать с мертвых и умирающих русских их патронные сумы, наполненные драгоценными боеприпасами». Полковник Абержу приказал Вейо с ротой егерей броситься в середину русских, чтобы произвести диверсию. Лейтенант выполнил этот приказ и отбросил русских, которые оставили своих убитых и раненых. «Тогда мы сорвали их патронные сумки и, взвалив на себя эти драгоценные боеприпасы, которых нам не хватало, вернулись к своим и распределили их между теми, кто еще был способен сражаться». «Наше положение, — продолжает Вейо, — все более ухудшалось. Много раз мы собирались возле полковника Абержу, который, казалось, потерял голову в этих обстоятельствах, поскольку он не знал, что делать и что приказывать. Он командовал, держа в руке ветку дерева, а свою саблю — в ножнах, что развеселило нас, несмотря на ужас нашего положения».

Между тем Крыжановский послал поручика Купреянова к полковнику Штевену, чтобы тот со «2-м батальоном зашел в тыл с другой стороны рощи и ударил в штыки на неприятеля». Служивший в этом батальоне Казин вспоминает, что он, «имея при себе проводника пошел в обход и, скоро дойдя до реки, повернул налево, по берегу, но как берег этот был узок до того, что батальон не мог следовать, не токмо в отделениях, но даже и в два ряда, а притом не зная положительно, находятся ли французы в роще или уже успели перейти реку по льду, Штевен послал несколько человек вперед осмотреть берег. Посланные для сего люди, возвратясь, очень скоро донесли, что неприятель делает в разных местах попытку перейти реку, но по тонкости льда не мог этого сделать, и что они видели несколько человек, провалившихся в воду. Опасаясь внезапного нападения французов в лесу, батальонный командир наш рассыпал в стрелки 5-ю роту, под командою капитана Волкова, и приказал ему, составив передовую цепь, двигаться вперед наравне с головою батальона, и таким образом 2-й батальон, подаваясь вперед, прошел более полуверсты. Совершая это движение, полковник Штевен послал поручика Эн-гёльгардта к полковому командиру с известием, что он обошел остров и находится в тылу неприятеля. Но

прежде чем Энгельгардт успел доскакать к первому батальону, неприятель открыл нас и завязал перестрелку со стрелками 5-й роты, бросаясь с большим ожесточением на голову батальона, остановившуюся для собрания остальных».

Вьейо рассказывает, что один капитан 7-го польского полка, хорошо понимавший по-русски, атаковал неприятеля с фланга и чуть было не попал в плен. Он поведал французам, что слышал разговоры русских о том, что они не хотят брать пленных, но убьют всех, кто попадет в их руки; он сказал, что своим упорным сопротивлением французы так ожесточили более многочисленного неприятеля, что нельзя больше надеяться ни на какую пощаду. Офицеры вновь посоветовали командиру капитулировать, так как исход дела предвидеть было нетрудно. Французы были окружены в открытом поле более многочисленным противником, который большую часть своих сил еще не вводил в бой. Нападающие осыпали окруженных действенным огнем, тогда как французы, по недостатку боеприпасов, отвечали все реже и реже, только в промежутках между русскими атаками, каковые отражали лишь с помощью штыков. «Полковнику говорили, что *бой длится 8 часов*, что приближается ночь, что *русские уже много раз подавали нам знаки примирения*, что они отпустили к нам одного плененного ими польского офицера, чтобы предупредить нас, что *мы находимся по середине их армии, что все наши надежды вырваться лишены оснований*, наконец, чтобы прекратить кровопролитие с той и с другой стороны, нам лучше сдаться, а если мы будем упорствовать в своем ожесточении, тогда нам больше не будет пощады». Но эти разумные доводы не убедили Абержу, он упорствовал в своем намерении (жгться да кзвдъ. Склон холма был покрыт убитыми и ранеными, французские доктора не знали, кому оказывать помощь. Сбитые пулями ветки берез покрывали землю и затрудняли движения. Французы несли большие потери, в частности, в конце боя был убит су-лейтенант Л. О. Юлен, племянник известного генерала П. О. Юлена, военного губернатора Парижа^{ix}.

Тем временем 2-й батальон Штевена сосредоточился на довольно большой площадке на берегу реки. «Три роты наши, — пишет Казин, — немедля выстроившись и перекрестясь, с криком "ура" бросились в лес; я же, как батальонный адъютант, для поддержания мужества, шел с своими барабанщиками на правом фланге и бил из всех сил в барабаны. Тревогу эту слышали финляндцы, и 1-й батальон бросился в штыки с другой стороны, а 3-й, едва вышедши из лесу, подоспел уже к концу этой кровавой драмы. *В этом виде сражение продолжалось недолго*». Тем не менее бой был весьма ожесточенным. «Штыковой бой полка производил сильное впечатление и представлял собою страшную картину. Здесь офицеры и солдаты, сражаясь рядом, соперничали в воинских доблестях и храбрости». Из множества ужасных сцен Казину особенно запомнилась одна, когда он со 2-й гренадерской ротой капитана М. Я. Палицына бросился в штыки на неприятеля и они, «пройдя несколько сажен вперед, очутились лицом к лицу с целым полувзводом французов, бодро шедших к нам на встречу. Палицын, выдвинувшись вперед, первым закричал "ура", за ним бросилась его рота и оттеснила его». Пока «солдаты наши разведывались с французами, один из них, отделяясь, бросился с ружьем наперевес на Палицына, занес уже руку, чтоб нанести удар, но, поскользнувшись, упал навзничь» и был немедленно заколот.

«Стиснутые со всех сторон, — вспоминал Вьейо, — изрешеченные беспрерывным огнем, который неприятель вел по нам, подавленные числом, значительно превосходящим наше, мы были лишены всех способов продолжить отступление. *В четыре часа вечера* русские нас одолели; некоторое время мы находились вперемешку, невозможно было различить русских и французов. Произошла страшная резня с обеих сторон: удары штыками, саблями, прикладами в упор. Это была настоящая бойня». «Внезапно русские перемешались с нами, — пишет он в другом месте. — Теперь это был не бой, а побоище, жестокая резня. Наши несчастные солдаты, обессиленные, изнуренные тяготами и последними усилиями, которые они предприняли, падали на снег, умоляя победителя о великодушии или оказывая ему незначительное сопротивление. Озлобленные русские набросились на них и беспощадно избивали их ударами прикладов или пронзали их штыками». Вьейо попытался вырваться из этого побоища и скрыться в лесу, но слышал позади себя знакомый голос: «Родольф, Родольф, сдавайтесь, или вы погибнете»; это был лейтенант Виолен, уже схваченный русскими. Повернувшись на крик, Вьейо увидел, что много русских солдат гонятся за ним, а один уже целился в него в упор. Лейтенант едва успел саблей отвести ружье в сторону, и выстрел прошел мимо; он отразил и удар штыком, но в конце концов был взят в плен русским унтер-офицером.

«Неприятель был истреблен *в полчаса*, — доносил Крьюжановский, — остальная же часть добровольно сдалась в плен, коих взято *штаб-офицер 1, обер-офицеров 18 и доктор, нижних чинов 370 человек*»; свои потери полковник определил в 22 убитых и 74 раненых, в том числе прапорщик Нечаев. По словам Казина, штыковой бой длился недолго, «и *через час времени* начальник отряда *подполковник Абержу*, 21 офицер и из 1200 нижних чинов, бывших в строю, *380 человек* живых, со всем своим багажом достались нам в плен; из остальных же большая половина была убитых и раненых». Генерал Н. М. Бороздин доносил Коновницыну, что «отряд французских войск под командою *майора Абержу*, состоящий из *семисот человек*, после сильного сопротивления частью побит и взят в плен, так что ни одного не ушло... в числе пленных взят сам командующий и семнадцать обер-офицеров и штаб-лекарь... потеря наша убитыми и ранеными простирается более полутораста человек, так как егеря не шли, а бежали к сему делу». Из указанных здесь 150 человек значительная часть была

просто отставшими, так как, по словам Казина, «полк прошел с ранцами 8 и без ранцев беглым шагом более 7 верст, а всего сделал 15 верст». Учитывая численность полка перед началом боя - 39 офицеров и 1370 нижних чинов, историк полка С. А. Гулевич подсчитал, что его потери составили убитыми — 1,6%, ранеными — 5,2%, всего — 6,8%. Беря за основу сообщение Казина о численности французского отряда (22 офицера и 1200 нижних чинов) и сравнивая ее с численностью Финляндского полка, Гулевич пришел к выводу, что силы их были почти равны. Это не совсем точно, так как полубригада Абержу насчитывала 700-900 чел., но, с другой стороны, в последнем решающем штыковом бою участвовали только два батальона Финляндского полка. Казин пишет, что 3-й батальон поспел лишь к концу дела, а Кръжановский представил к наградам лишь офицеров 1 и 2 батальонов, а также 2-й кирасирской дивизии. При всем том французский отряд находился, бесспорно, в гораздо худшем положении. Русские войска имели незначительное численное, но огромное моральное превосходство. В отличие от французов они хорошо знали свое местоположение и примерную численность неприятеля, в любой момент могли рассчитывать на поддержку. Французы же много дней находились в полной изоляции, двигались наугад, и надежды их на спасение таяли с каждым часом. Вьейо не раз подчеркивал это обстоятельство: «Выдерживая в течение более трех часов огонь неприятеля, который держал нас посреди широкой равнины, преследуя нас со всех сторон и хорошо зная, что мы не сможем от него ускользнуть, мы все еще двигались, хотя потеряли надежду избежать гибельного исхода боя против войск, которые числом значительно превосходили нас».

По словам Вьейо, все это дело, происходившее где-то между Ельней и Смоленском, длилось 8 часов без перерыва, из них 3 часа шел упорный бой. Он явно ошибается, когда пишет, что из 6000 чел. его дивизии к концу сражения осталось только 2800. В деле лейтенанта П. Иолена указано, что он был пленен 12 ноября в селении *Jejalalovo*. 24-го полка А. Бэйё (Bailleul) в 1815 г. писал: «Мы были взяты в плен в последней крайности и после сопротивления огромным массам неприятеля; наконец, после исчерпания патронов»^x.

Оказавшись в плену, французы выяснили, что их захватила русская императорская гвардия. Пленных французских офицеров окружили русские офицеры, которые, как заметил Вьейо, все очень хорошо говорили по-французски. Из рапорта Коновницына известно, что неприятельских офицеров взяли в плен капитан Офросимов 4-й, штабс-капитан Д. Д. Ахлестышев, подпоручик барон И. И. Саргер, прапорщики: князь Дулов и граф Н. Е. Цука-го. «Время от времени, — пишет Вьейо, — мы еще слышали выстрелы и удары прикладами, которые раздавались вдалеке над нашими бедными товарищами... Мы взывали к русским офицерам заставить своим авторитетом прекратить эту резню, так как сражение закончилось и мы сдались. Они хладнокровно отвечали нам: "То, что вы слышите, несколько не должно вас беспокоить; это егеря, которые стреляют зайцев..." Этими зайцами были наши бедные солдаты!.. Но мы вынуждены были хранить молчание и скрывать в себе свое возмущение. "Мы ожидаем нашего генерала, — сказали они нам, — который в этот момент находится на квартире князя Кутузова, в главной квартире, недатекто". Так они охраняли нас на снегу при морозе в тридцать градусов в течение многих часов, занимаясь тем, что считали и пересчитывали нас, требуя от нас назвать имя и звание. Они приказали принести из соседнего поместья стол и бумагу». Через некоторое время колонна пленных двинулась во главе с полковником Абержу, который, по мнению Вьейо, в душе был терзаем раскаянием, что он не сумел предотвратить такого несчастья, что он не сдался несколькими часами ранее на почетных условиях с сохранением оружия и багажа. Он сохранял угрюмое молчание, и слезы навернулись у него на глазах; впереди на его лошади ехал русский офицер и, издеваясь над ним, хвалил красоту животного.

«Собрав раненых, как наших, так и неприятельских, — вспоминал Казин, — полк наш, исполненный радости, отправился на ночлег в село *Княжое*, принадлежащее помещику Палицыну, где, сверх ожидания, мы нашли значительные запасы всякой провизии, как-то: сухарей, муки, вина и до 50 штук рогатого скота; все это, как по справкам оказалось, было запасено французскими провиантскими комиссарами для своих, но досталось нам». «Мы прибыли в одно поместье, — пишет Вьейо, — которое русские офицеры заняли накануне. Нас поместили в громадном зале, где они смешались с нами и дружески беседовали. В течение всего вечера и до утра следующего дня мы не могли внушить себе, что находимся у них в плену». На ужин пленникам дали несколько кусков хлеба и квас. «Когда собрался весь полк, — продолжает Казин, — то мы узнали, что фельдмаршал, беспокоясь об нас и о действиях наших, прислал генерал-майора Бороздина, который, как старший, приняв команду над полком, вступил во все распоряжения и занялся составлением реляции, которая чрез два часа была написана и отправлена в главную квартиру с адъютантом 3-го батальона поручиком Крыловым». На помощь финляндцам Бороздин прибыл, разумеется, не один, а во главе Астраханского кирасирского полка. Для оказания помощи русским и французским раненым потребовали плененного доктора А. К. Клёэ (*chirurgien sous – aide Cleuet*), но поскольку «в момент пленения у него забрали его сумку с набором инструментов, он был бессилён помочь. Генерал дал приказ, чтобы она была ему возвращена; были даже сделаны обыски, чтобы ее вернуть, но ее не смогли найти. Все инструменты были из серебра, они слишком прельстили русского солдата, чтобы от них отказаться».

На прапорщика Д. Н. Казина «возложена была обязанность на другой день отвезти пленных офицеров в главную квартиру и сдать там их. Занявшись этим поручением, — пишет он, — я узнал, что французы, которых

мы порешили, были не что иное, как *подвижная колонна* хлебопек, приготовлявших сухари для большой армии; — колонна эта, не получая давно никаких известий, что делалось в Смоленске, решилась сблизиться со своими и очутилась в кругу наших войск. *Потеря неприятеля убитыми простиралась свыше 500 человек, раненых было 1 офицер, поручик Бонифас, и более 320 человек нижних чинов*». Поскольку Вьейо ничего не говорит ни о назначении своего отряда, ни о «колонне хлебопек», а пишет лишь об обычных маркитантах и о недостатке продуктов в последние три дня пути, то надо полагать, что Казин имеет в виду персонал магазина, захваченного в селе Княжое. Кстати, П. Пуцин так и записал в своем дневнике за 31 октября/12 ноября: «Финляндский полк отделился для *атаки французов, охранявших один магазин* недалеко от наших позиций. Результат этой экспедиции — взятие магазина и 400 пленных, в том числе 20 офицеров». Мы уже знаем, что этот полк получил совсем другую задачу, и магазин в Княжем был захвачен им совершенно случайно; на него навели русских отступавшие французы.

Казин описал еще один необычный случай. «В пылу самой сильной схватки был жестоко изранен солдатами 5-й роты *французский поручик Бонифас*, и как его считали убитым, то он и оставлен был в числе прочих на месте сражения; при разборе пленных подошел ко мне один из французов и объявил, что он видел раненого поручика, утверждал, что он жив и просил позволения сходить и принести его. Доложив об этом генералу Бороздину, я немедленно получил приказание откомандировать при унтер-офицере 4-х рядовых, и в случае, если окажется, что г. Бонифас жив, принести его на перевязку. Через час времени мнимо убитый был принесен». Вьейо рассказывает, как среди пленных офицеров неожиданно «появился призрак, человек обнаженный и покрытый кровью с головы до ног, который кричал им (русским): "Посмотрите, как гнусно ваши солдаты обращаются с французскими офицерами! Посмотрите, в какое состояние они меня привели, с какою бесчеловечностью они раздели меня, раненого, и бросили на снег". Этому офицеру нанесли удар саблей, который рассек ему ухо, один удар — в голову, множество штыковых ударов в левую руку и в бедро, и среди других, — один в середину груди, который проткнул его тело насквозь. Мы не признали его, настолько он был обезображен, а голос его — изменившимся. "Мои друзья, — сказал он, — я — *Бонифас...*" Бонифас, ослабленный потерей крови и заколеченный на морозе, не мог больше говорить и рухнул без сознания на снег. Они велели накинуть на него казачий кафтан (большой широкий плащ) и унесли его, пообещав нам позаботиться о нем». Согласно одному документу, Бонифас был «ранен семью штыковыми ударами, проткнувшими насквозь его тело, и ударом сабли в голову *12 ноября*». По заверению Казина, «раны его оказались неопасны, и после перевязки, сделанной ему доктором нашим Гибнером, он пришел в себя. Успокоив его с этой стороны, надобно было озаботиться об его одежде, потому, что он принесен был с места сражения в одной рубашке». Одежду ему нашли, кроме сапог, и этому обстоятельству он отчасти оказался обязан своей жизнью.

По словам Вьейо, более двух часов спустя после окончания боя появился генерал Уваров, до этого находившийся в главной квартире. «Это был очень красивый человек с весьма приятной фигурой; его манеры и учтивость соответствовали его внешнему виду... Генерал сказал нам, что он не понимает, почему, будучи столь малочисленными и при нехватке боеприпасов, мы имели дерзость сопротивляться так долго. Он был огорчен тем, что мы не соглашались капитулировать, что было бы лучше для нас; с нами невозможно было договориться, и потому было пролито много крови. Русские также понесли некоторые потери, и это ожесточило их солдат против французов. "Вы сделали бы гораздо лучше, поступив как генерал Ожеро, который сдался вчера после нескольких минут обороны, видя невозможность сопротивляться более долгое время". Действительно, накануне мы слышали короткую канонаду, причины которой мы не знали. Затем генерал нарисовал нам печальную картину нашего будущего: нас отвезут в Сибирь, непривычные для нас холода, к тому же более суровые, чем обычно, уничтожат нас быстрее, чем русская артиллерия и казаки; к тому же "народ рабов (*un peuple d'esclaves*) фанатизирован против вас. Климат лишит вас сил и парализует ваше мужество"». После долгого разговора с пленными Уваров, очаровавший их своей гуманностью, уехал. Пленные по-прежнему находились вместе с русскими офицерами, им принесли несколько больших кусков мяса, чтобы поужинать^{xi}.

«Переночевав в Княжом, в доме старосты, — пишет Казин, — я на другой день, часов в 9 утра, угощен был радушным хозяином славными щами и медом и, накормив тем же наших пленных, начал приготовляться к перевозу их в главную квартиру. На шести подводах мне должно было поместить 21 человека». Прапорщик получил в команду шесть казаков и столько же крестьянских подвод. Раненый Бонифас непременно хотел уехать со всеми, но потерял сознание. «В тот день был сильный мороз в тридцать градусов, — вспоминал Вьейо. — Бонифас не хотел нас оставлять; он не хотел оставаться один в руках русских; он хотел, сказал он, умереть среди своих товарищей. Мы заметили ему, что слабость, вызванная его ранами, не позволит ему вынести тяготы долгого и утомительного путешествия, которое нам грозит. Доктор объяснил ему, что не имеет в своем распоряжении ни инструмента, ни белья, ни корпии, чтобы ухаживать за ним. Ничто его не убедило, он упорствовал в желании отправиться с нами; тогда его поместили в сани, где нас разместили попарно, с мужиком, который правил, но в момент нашего выступления заметили, что Бонифас находится без сознания; его раны вновь открылись, и кровь потекла в изобилии. Необходимо было вернуть его в поместье, что мы и посоветовали русским; они обещали нам о нем позаботиться; мы не очень верили их обещаниям; мы оставили его, считая его

потерянным человеком». Пленные офицеры проследовали вдоль колонны своих бедных солдат и унтер-офицеров, которые шли пешком по снегу при морозе в 30-35 градусов под конвоем бесчеловечных казаков.

«В этот день мороз был довольно сильный, — отмечает и Казин, — разместив остальных 20 человек, разумеется, я не мог ехать с ними скоро, а потому на половине дороги пленные мои, одетые очень легко, начали застывать, и я, чтоб дать им отогреться, остановился на час времени в деревне. На этом-то привале большая часть из них, чувствуя сильную боль в ногах, сняли с себя сапоги, которых уже не могли надеть, потому что ноги у них распухли, и затем явились ко мне с ногами, обвязанными тряпками и соломой, уверяя меня, что эта обувь для них покойнее и лучше. Усадив их опять на подводь, я, часу в четвертом после полудня, прибыл в главную квартиру и явился тотчас же к дежурному генералу Коновницыну». Главная квартира русской армии 1/13 ноября переместилась из Шелканово в село Юрово (Журово). Вьейо рассказывает, что после нескольких часов пути они «прибыли в главную квартиру князя Кутузова, я полагаю в *Jaszkow umi Usof*, в тот же самый момент, когда туда входила значительная колонна русской кавалерии. Мы вынуждены были долгое время ждать ее прохождения, и мимоходом получили всевозможные оскорбления, которые им нравилось адресовать нам; они кричали нам от головы колонны до ее хвоста: "капут французы; Париж, Париж; собака француз; Наполеон свинья, Наполеон капут". Офицеры оставляли свои ряды, проезжали возле наших саней, как фурии, готовые нас растерзать, говоря: "Ты поляк, ты француз". Когда они нашли одного поляка, их гнев удвоился, они осыпали его ругательствами и угрозами; они даже били многих старших офицеров, говоря им: "Сибирь, Сибирь"...Если это оказывался француз, они задавали ему "приятные" вопросы: "Где твой император, твоя свинья император? Я хочу держать его голову на кончике моей сабли", затем, показывая свои пистолеты, говорили: "Кстати, это, чтобы разбить головы всем французам, ни один не избежит! Скажи, где остановился твой негодяй император? Мы гонимся за ним от Москвы, не можем его поймать, но мы его схватим, он не выберется из России! Адьё, французы, идите умирать в Сибирь..."»

Поскольку Коновницын в то время обедал у Кутузова, пишет Казин, «то я, озабочиваясь о моих пленных и по тесноте селения, где была расположена главная квартира, и дома все заняты, поместил их на время на улице у большого костра, зажженного казаками, сам же пошел ожидать генерала, который вскоре возвратился; приняв от меня рапорт, очень милостиво и ласково со мною обошелся, расспрашивал о сражении, хвалил наш полк... пленным же поручил мне сдать начальнику главной квартиры полковнику Ставракову, куда я и привел их; прием был скор, а помещение — тот же костер с огнем, где они грелись, и потому-то я полагаю, что немногие из них наутро могли продолжать путешествие».

«Князь Кутузов, — рассказывает Вьейо, — узнав, что некоторое количество французов, взятых в плен накануне, проходили совсем рядом с господским домом (chateau), где он разместил свою главную квартиру, потребовал привести нескольких офицеров. Я был в их числе. Он спросил нас о наших силах во время оставления Москвы, и, если мы знали, где находится Наполеон. Мы никак не могли удовлетворить эти его требования... Князь выразил сочувствие к нашей несчастной судьбе, сказал, как и генерал Уваров, что мы подвергнемся еще большим страданиям, что все позади них опустошено, что суровая стужа не оставит ни одного из нас в живых. В заключение он сказал, что знает одно-единственное средство, которое может спасти нас, это — вступление в их службу. "Мы не будем служить России никогда, никогда, — отвечали мы не сговариваясь, — невозможно переметнуться на другую сторону ради того, чтобы покончить со страданиями, которые нас ожидают; велите нас расстрелять, но служить для русских — никогда, никогда..." Князь состроил гримасу, закрыв глаз, который у него оставался, так что на мгновение можно было подумать, что он ослеп, но, как тонкий политик, он прибавил: "Можете быть уверены, господа, что вас не заставляют поднимать оружие против вашей родины; вы были бы направлены во внутренние гарнизоны или на границу с Турцией, тогда вы пользовались бы всеми преимуществами, к вам относились бы как к нашим офицерам и уважали бы наравне с ними; то, что я вам сказал, представляет для вас интерес потому, что вы не устоите перед невзгодами, которые вас ожидают, и климатом, который неведом вам. Я аплодирую вашему мужественному решению, я не должен был ожидать иного решения со стороны храбрых французов, которые вчера в течение 8 часов выдерживали ожесточенный бой против значительно превосходящих сил и не сдавались до последней крайности". Мы откланялись князю и возвратились к своим саням»^{xii}

Подобно тысячам других пленных Великой армии, Вьейо проделал свой крестный путь по бескрайним просторам России и большую часть плена провел в Лебедяни Тамбовской губернии. На родину он возвратился 17 октября 1814 г. Написанные им мемуары сподвигнули нас обратиться к еще одной малоизученной странице истории войны 1812 г. Сообщая Кутузову об «отличном успехе над неприятелем», одержанном Финляндским полком, Коновницын писал о командире полка: «...расторопности, отменному мужеству и благоразумным его распоряжениям должно приписать истребление... целого неприятельского отряда, оставшегося отрезанным от всей армии, который, по неизвестности еще сего пробираясь к Смоленску, был открыт вблизи самой главной квартиры армии нашей и мог бы даже, если бы был сильнее, обеспокоить оную».

Примечания

ⁱ *Vieillot R.* Souvenirs d'un prisonnier en Russie, pendant les années 1812—1813 —1814. Luneray 1996, p. 59, 60, 70-73, 89-92; *Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. T.1. Paris, 1912, p.134-135.

ⁱⁱ *Vieillot R.* Op. cit., p.97-110; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т.19. СПб., 1912, с.108; Кутузов М.И. Сб. документов. Т.IV, ч.2. М.,1955, с. 229.

ⁱⁱⁱ *Vieillot R.* Op. cit., p. 111-120; ВУА. Т. 19, с. 121; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т.IV, ч.2, с.289.

^{iv} *Vieillot R.* Op.cit., p. 121-126; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч.2, с. 289.

^v *Vieillot R.* Op.cit., p.126-131.

^{vi} *Vieillot R.* Op.cit., p. 131-132; Дневник Павла Пушина. Л., 1987, с.70; Рассказ Д.Н. Казина о взятии в плен французского отряда при с. Княжом/*Шарш А.Н.* Кражий очерк истории лейб-гвардии Финляндского полка. Кн. 2.СПб.,1846,с. 64—65; Бумаги П.И. Щукина.Ч.9. М.,1905,с.270—271; *Гулевич С.А.* История лейб-гвардии Финляндского полка.Ч.1.СПб.,1906, с. 237-238. Рапорт Крыжановского и более подробный рассказ Казина весьма значительно различаются в том, что касается последовательности событий. Может быть, поэтому историк полка Гулевич фактически отказался от согласования этих двух источников и ограничился подробным пересказом версии Казина. Полагаем, что в данном отношении надлежит следовать за рапортом Крыжановского, как документом более строгим и официальным, а главное — написанным вскоре после событий, 3/15 ноября.

^{vii} *Vieillot R.* Op.cit., p. 89, 132; Бумаги Щукина, с. 271, 272; *Марин, с. 66-69; Гулевич, с.238-239.*

^{viii} *Vieillot R.* Op.cit., p. 133-135; Бумаги Щукина, с. 271; *Марин, с. 67-71; Гулевич, с. 238-239.*

^{ix} *Vieillot R.* Op. cit. 90, 135-137; Бумаги Щукина, с. 271; *Марин, с.71-73; Гулевич, с.239-240.*

^x *Vieillot R.* Op.cit.,p. 90, 137-139, 149; Бумаги Щукина, с 270, 272; *Марин, с.73,77-79,68; Гулевич, с.240, 242; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т.ГУ, ч.2,с.298.* По совершенно непонятной логике Гулевич предпочел иные цифры плененных французов (3 штаб - офицера, более 20 офицеров, 495 нижних чинов), взятые им из гораздо более позднего рапорта цесаревича Константина.

^{xi} *Vieillot R.* Op. cit ., p. 92, 143-159; *Марин, с. 75-76, 79, 80; Пушин, с. 70; Гулевич, с. 237, 241.* 31 октября Бороздин писал Коновницыну из с. Княжое: «Я принужден остановиться ночевать здесь, — прошу покорно приказать, куда мне завтра доставить пленных и раненых». В тот же день ему был отдан приказ: «Отряд, состоящий из Финляндского Егерского полков и Астраханского кирасирского, имеет следовать завтра, то есть 1 ноября, от с. Княжево до С.Волкова, где присоединиться к гвардии Егерскому полку, туда назначенному». Оттуда оба гвардейских полка должны были следовать в с. Голосово на соединение со своим корпусом (Бумаги Щукина,с. 270; Материалы ВУА.Т.19,с. 164, 166; *Марин, с. 76).*

^{xii} *Vieillot R.* Op. cit., p. 161-165; *Марин, с. 80-83; Гулевич, с. 242; Бумаги Щукина, с. 270.* Казин пишет, что, поскольку Бонифас потерял сознание и к тому же не имел обуви, «я не мог его взять с прочими товарищами для представления в главную квартиру, а должен был оставить на попечение нашего доктора Гибнера, оставленного в селе Княжом при устроенном для раненых лазарете. Чрез год после этого дела Гибнер рассказывал мне, что раненый Бонифас провел целую зиму в Княжом, вылечился от ран и летом благополучно отправился в низовья губернии, где вероятно дождался размена пленных». Действительно, Бонифас возвратился на родину в сентябре 1814г.